

Среди все возрастающего числа работ, посвященных поведению обезьян, одно из ведущих мест занимают исследования, направленные на изучение стадного поведения этих животных, особенно с целью поиска истоков социальной жизни человека. Обзор ряда таких работ составляет основное содержание и обсуждаемой здесь статьи Л. А. Файнберга.

Ни у кого не вызывает сомнения, что без привлечения данных о поведении обезьян невозможно решить вопросы, связанные с историей антропогенеза. Однако для этого, наряду с глубокими знаниями особенностей поведения обезьян, необходим всесторонний учет качественных отличий биологических явлений и закономерностей от социальных, и здесь автора обсуждаемой статьи явно постигла неудача.

Прежде всего надо сказать, что приведенный обзор страдает не только неполнотой, но и односторонностью подбора и освещения исследований. Не упоминается ряд фундаментальных трудов по рассматриваемым вопросам, а результаты цитируемых исследований трактуются автором субъективно, иногда даже тенденциозно. Утверждая, что новые наблюдения над жизнью обезьян «значительно уменьшили пропасть между наиболее высоко развитыми обезьянами и самыми примитивными из известных в настоящее время гоминид» (стр. 94), что «уже в высших типах зоологических объединений были зачатки некоторых форм поведения и институтов, таких, как учет интересов коллектива... взаимопомощи и некоторых других» (стр. 103) и т. д., автор встает на тот умозрительный подход к становлению человеческого общества, против которого сам восстает, ибо заставляет читателя принять эти категоричные заявления на веру. Не могут же в этом отношении служить доказательствами, например, обстоятельно излагаемые ссылки на половое поведение обезьян, которое, как и всякое иное их поведение, всецело остается в рамках чисто биологических закономерностей и поэтому принципиально не отличается от поведения других животных. Когда же мы читаем о том, что обезьяны способны подавлять свои инстинкты, включая и половой, ради того, чтобы избежать конфликтов в стаде и сохранить мирные отношения между его членами (стр. 103), или же нас уверяют в существовании «запретов» половых связей у обезьян, то это напоминает худшие времена «анекдотической зоопсихологии».

Не останавливаясь на всех постулатах автора, а тем более на частных неточностях, ограничусь несколькими замечаниями.

В аргументации автора большое место занимают доказательства того, что жизнь в обезьяньем сообществе упорядочена, что вопреки «широко распространенным до последних лет представлениям о безудержной и кровавой борьбе из-за самок в стадах различных видов обезьян, и в особенности гамадрилов» (стр. 97), там нет «гибельной борьбы из-за самок» (там же), и сексуальная активность самцов носит мирный характер. Но позволительно спросить, из каких трудов «последних лет» автор вычитал описание столь «кровавых» и «гибельных» драк самцов из-за самок? Это представления не «последних лет», а времен Цукермана, т. е. начала 30-х годов, следовательно, еще до зарождения этологии как науки. Неужели автор, который берется за такую ответственную тему, ничего не слышал о мнимой борьбе, о ритуализации поведения у животных, в частности обезьян? Конечно, тут нет никакого «подавления своих инстинктов», а действуют широко распространенные в животном мире поведенческие (именно инстинктивные) механизмы, возникшие в процессе эволюции как важнейшие компоненты агрессив-

ного поведения (само по себе имеющего большое биологическое значение), элиминирующие истинную борьбу и предотвращающие самоистребление видов. По этим вопросам существует обширная литература.

Таким образом, автор в корне неправ, когда утверждает, что в отношении способности к подавлению инстинктов, включая слесовой, обезьяны оказываются ближе к человеку, чем это можно было предполагать (стр. 97). Злополучное «подавление инстинктов» происходит у человека и животного качественно совершенно различными путями.

В статье Л. А. Файнберга содержатся и некоторые сведения о структуре стада и внутристадных отношениях у обезьян, особенно у павианов, которых автор, видимо, дословно переводя с английского, неправильно называет бабуинами. Эти сведения отрывочны и далеко не отражают в необходимой мере современных итогов исследований и точек зрения разных ученых. Все же они хорошо иллюстрируют гибкость структуры стада у обезьян, сложность и динамичность системы соподчинения (доминирования), его зависимость от экологических факторов. Конечно, автор прав, когда акцентирует внимание на значении последних, так как здесь отчетливо проявляется биологическая обусловленность всего поведения обезьян.

Однако с рядом утверждений автора трудно согласиться. Так, он совершенно необоснованно противопоставляет доминирование и «гаремную» структуру стада, ибо и в последнем случае между членами сообщества всегда устанавливаются отношения соподчинения, т. е. доминирования. По этой причине неправомерно и категорическое противопоставление внутристадных структур у разных видов павианов, а соответственно и голословное утверждение, будто лишь «стадо с доминированием», по терминологии Л. А. Файнберга, «обладает внутренними возможностями для дальнейшего развития» (стр. 102). В результате рассуждения автора о вероятной организации стада прегоминид повисают в воздухе.

Что же касается роли среды обитания прегоминид в антропогенезе, точнее значения перехода ископаемых обезьян к жизни на открытых пространствах и возникающих при этом экстремальных условий, то я могу сослаться на прежние свои выступления в печати¹.

Отмечу здесь лишь, что непонятно, почему Л. А. Файнберг усматривает экстремальные для обезьян условия только в «полупустыне». Экстремальные, если не катастрофические, условия возникли для обезьян, по всей очевидности, тогда, когда они оказывались в резко обедненной среде, каковой является степь или даже лесостепь по сравнению с тропическим лесом, ибо именно в густом лесу с его обилием разнокачественных компонентов среды развились все морфофункциональные признаки обезьян, особенно в сфере поведения. И только глубокие компенсаторные изменения поведения, аналоги которых мне удалось выявить у низших обезьян, смогли в столь трудных условиях спасти наших далеких предков от вымирания. Вот здесь, по нашему убеждению, и следует искать начало перехода к человеку — процесса, который ознаменовался зарождением трудовой деятельности на основе компенсаторных форм манипуляционной активности.

---

¹ К. Э. Ф а б р и, Обращение с предметами у низших обезьян и проблема зарождения трудовой деятельности, «Сов. антропология», 1958, т. 2, № 1; К. Е. F a b r i, Umweltbedingte Veränderungen und Altersunterschiede im Verhalten niederer Affen zu Gegenständen, «Der Zoologische Garten» (NF), 1961, Bd. 26, Hf. 1/2; К. Э. Ф а б р и, Выступление на симпозиуме «Проблема грани между животными и человеком» на VII Международном Конгрессе антропологических и этнографических наук, «Вопросы антропологии», вып. 19, 1965; К. Е. F a b r i, Das Verhalten der Affen zu Gegenständen und Probleme der Menschwerdung, «Biologische Rundschau», 1965, Bd. 3, Hf. 2.

Что же касается длительности этого процесса и проблемы грани между человеком и животным, то эти вопросы недавно обсуждались на страницах журнала «Природа»². Как участник этой дискуссии ограничусь здесь ссылкой на мое выступление³.

Ошибка Л. А. Файнберга является и то, что он причисляет к экстремальным условиям всякое содержание обезьян в неволе вообще. Если это справедливо для клеточного содержания, то далеко не всегда для вольерного (если, конечно, при этом не допускаются грубые нарушения относительно полового и возрастного состава стада). Глубокие качественные различия в поведении обезьян, обусловленные этими столь различными условиями их содержания, мною также неоднократно описывались⁴.

Существенно здесь то, что исключительно гибкое поведение обезьян (в частности, гамадрилов) позволяет им приспособиться к действительно экстремальным условиям клеточного содержания путем активного воссоздания некоторых жизненно важных условий их жизнедеятельности. Это относится как к их двигательной активности, так и к сфере общения. Обезьяна не остается пассивной в отношении резкого ухудшения условий жизни, а приспосабливается к ним, «изобретая» новые формы поведения, как в свое время образно говорил А. Н. Северцов. (О больших возможностях такого «изобретательства» свидетельствует и образование «традиций» у японских макак, история которых также раскрывается автором обсуждаемой статьи.)

Все это указывает на то, что именно трудные, экстремальные условия жизни служили, очевидно, причиной глубоких преобразований в поведении обезьян, в том числе и стадном. Только такие преобразования, а не просто «заимствование» уже готовых животных форм поведения, могли составить содержание такого небывалого в истории живой природы ароморфоза, как появление на земле человека.

Таким образом, и в этом плане аргументация Л. А. Файнберга обнаруживает свою шаткость. И если Л. А. Файнберг оспаривает, что социальная организация древнейших гоминид могла возникать только в результате разрушения форм организации древних обезьян, то это положение, вопреки мнению автора, вполне соответствует современным данным, если только понимать это «разрушение» диалектически как отрицание отрицания. И по этому вопросу я ограничусь отсылкой к своим упомянутым выше публикациям.

Добавлю еще, что если, как это делает Л. А. Файнберг, искать у животных такие формы стадного поведения, которые могли бы прямо и непосредственно стать составными частями поведения древнейших людей, то можно и не ограничиваться обезьянами. Именно так поступает, например, В. Кюме⁵, который ставит вопрос, не является ли прообразом первобытной орды стая гиеновых собак? Ведь у этих животных существуют и разделение функций внутри стада, и совместные, согласованные действия во время охоты, которые к тому же перестраиваются на ходу в соответствии с изменениями в общей ситуации, особенно с учетом действий партнеров по охоте. Мало того, вернувшись с охоты, ее участники (самцы) отрывают куски мяса перед щенками, самками и взрослыми самцами-сторожами, не участвовавшими в охоте. В результате вся добыча распределяется равномерно между всеми членами

² См. М. И. Урысон, Люди или животные, «Природа», 1973, № 1 и 2 (см. там же дискуссию по поводу этой статьи).

³ «Природа», 1973, № 2.

⁴ К. Э. Фабри, Специфические особенности и практическое значение изменения поведения низших обезьян при клеточном содержании, в кн. «Биология и патология обезьян. Изучение болезни человека в эксперименте на обезьянах. Материалы международного симпозиума в Сухуми, 17—22 октября 1966 г.», Тбилиси, 1966.

⁵ W. Kühme, Nyänenhundrudel — Urbild der Horde? Verhaltensforschung in der Serengeti, «Umschau», 1965, Hf. 3.

стаи. Такого не бывает даже у самых «организованных» обезьян! Если следовать логике статьи Л. А. Файнберга, то уже здесь вполне можно усмотреть возникающий коллектив первобытных охотников, в котором мужчины могут уделять много времени охоте, в то время как женщины остаются на стоянках, заботятся о детях.

В целом по поводу обсуждаемой статьи можно сказать, что рассуждения Л. А. Файнберга всей своей логикой толкают читателя к уверованию в постепенность и непрерывность эволюции от обезьяны к человеку, к объяснению становления социальной жизни человека чисто биологическими закономерностями. Не вызывает сомнения, что, особенно на ранних этапах этого процесса, биологические факторы еще играли существенную роль, но ведь выступали они уже в трансформированном виде, благодаря преобразующему влиянию трудовой деятельности.

Биологизация поведения человека и антропоморфизация поведения животных не новы в науке, но сейчас они опять становятся дурной «модой». Как мы видели, не избежал влияния этой тенденции, к сожалению, и Л. А. Файнберг (случайно ли он употребляет в отношении обезьян такие обороты, как «социальные контакты», «социальная организация» и т. п.?). И поэтому по поводу этой статьи можно сказать следующее: да, факты новые, но трактовка их в основе своей старая, уже не раз опровергнутая.

К. Э. Фабри

ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

В откликах на нашу статью В. П. Алексеев, С. А. Арутюнов, В. В. Бунак, Г. Е. Марков, Ю. И. Семенов, К. Э. Фабри сделали ценные замечания и высказали много интересных соображений по обсуждаемой проблеме. Из-за ограниченности места мы сможем остановиться только на основных положениях, затронутых нашими оппонентами.

Из откликов В. П. Алексеева и С. А. Арутюнова видно, что эти исследователи едины с нами в главном, а именно в убеждении, что по крайней мере некоторые «истоки социальной организации ранних человеческих коллективов следует искать в специфике организации сообществ приматов» (С. А. Арутюнов), так как «содержанием начального этапа возникновения человеческих отношений является не только преодоление биологического в пределах человека... но и развитие какого-то фундаментального принципа организации органического мира нашей планеты» (В. П. Алексеев). По сравнению с этим согласием в главном расхождения между этими двумя специалистами и мною носят частный характер и сводятся к различию во взглядах на структуру стад обезьян — предков древнейших гоминид, а точнее говоря, на степень доминирования в стаде его вожака.

В противоположность В. П. Алексееву и С. А. Арутюнову В. В. Бунак и Ю. И. Семенов считают неправомочной и ошибочной нашу попытку искать в особенностях сообществ обезьян отдельные предпосылки или зародыши ранних форм социальной организации. Но это, пожалуй, единственное, в чем совпадают взгляды В. В. Бунака и Ю. И. Семенова по рассматриваемому вопросу. В остальном они настолько различны, что и отвечать на их отклики необходимо порознь.

В. В. Бунак в своем отклике не ограничился замечаниями, а сделал несколько не вызывающих возражений дополнений. Мы согласны и с некоторыми из сделанных им замечаний, в особенности в отношении терминологии. Частично мы согласны и с замечанием В. В. Бунака по